

«... МИР, ВИДИМЫЙ ЧЕРЕЗ ЧЕЛОВЕКА»

К 100-летию со дня рождения Исаака Бабеля.

ПОЗВОНИЛА редактор издательства «Галарт» Галина Коначна, давняя знакомая еще по бывшему «Советскому художнику»: «У нас вышла книга о Михаиле Иванове, а на Крымском валу открывается его персональная выставка. Приезжай, дам книгу». Вот уж воистину — не имей сто рублей, а имей сто друзей.

«Михаил Иванов. Старая Москва». Это монография о живописце, посвятившем почти все свое творчество столице уходящей, а порой уже и ушедшей. Городу, с присущими ему двориками, тихими переулками, колокольнями. Автор-составитель Ксения Богемская, редактор Галина Коначна. Книга на редкость хорошо отпечатана, отлично «читаются» цветные репродукции. Их — шестьдесят. Этого, наверное, вполне достаточно, чтобы увидеть и понять художника. Исполнена книга с любовью — макет нестандартный, современный дизайн Ирины Павловой. За очерком о творчестве живописца идет блок репродукций, а заканчивается — приглашением читателя совершить вместе с автором «поход» по его любимым местам. Каждую работу в черно-белом варианте сопровождает маленькая историческая справка.

Говорят, у домов, долго живущих на свете, Человечьи порой проступают черты... —

этот стихотворный эпиграф Вс.Рожественского открывает один из маршрутов — «У Трубиной площади». Сретенские ворота — место древнее, овеянное летописными сказаниями и легендами. Где-то здесь находились владения боярина Кучки, с именем которого связано первое летописное упоминание о Москве в 1147 году...

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ записей Михаила Иванова: «Москва для меня прежде всего — детство. Удивление всем, что проходило перед глазами: огромные дупла в тысячелетних ветлах Ботанического сада, гигантские листья викториан-регии, плавающие в душном полумраке оранжереи, куда мы забегали погреться после снежков. А рядом с Ботаническим — Сухарева башня, с пестрым рынком и разбегавшимися переулками с одноэтажными домиками.

Первый московский пейзаж я написал весной 1941 года, когда мне было четырнадцать лет...

«Я пишу Москву прямо с природы в любое время года. Моим «соавтором» всегда является зритель, который стоит за спиной. Волей-неволей слышишь обмен мнениями по поводу своей живописи... Если два десятилетия назад можно было услышать: «мазня», «абстракция», то теперь, когда я стал писать смелее, реакция в большинстве положительная... Однажды я писал зимой Колокольный переулок. Шел снег. За спиной голос женщины спрашивает у ребенка: — «А что пишет дядя?» — «Погоду!» — ответил тот.

«...Ощущение живого в живописи — моя программа, постоянная и неизменная. Искусство не искусственно — вот мой выбор умственный и рациональный».

КНИГА уже была прочитана не единожды и вдоль и поперек, когда я наткнулась на строки: отец — Исаак Бабель, отчим — Всеволод Иванов. Как могла я это пропустить? Еду на Крымский вал (в Центральный Дом художника), афиша — «Михаил Иванов. Живопись. Графика». А вот и сам именинник. Он оказывается человеком общительным и приветливым.

— Простудировала я вас от корки до корки, но почему все-таки старая Москва и такая долгая любовь к ней?

— Во многом я как человек состоялся благодаря няне Марии Егоровне, ее религиозности, правдоискательству. А старую Москву воспринял благодаря отцу — Всеволоду Вячеславовичу. Он любил город, ходил только пешком, почти всегда брал меня с собой. Часто менял маршруты, чтобы показать новое, удивительное. Память сохранила эти путешествия. Увиденное и любимое в детстве остается с тобой навсегда.

— Вы были участником выставки в Манеже, со знаменитым посещением ее Хрущевым? Это событие как-нибудь на вас отразилось?

— Как ни парадоксально, этот разгром помог нам. Только в борьбе кристаллизуется творческая личность.

с грустью: «Очень трудно писать на темы, интересующие меня, очень трудно, если хочешь быть честным... если бы ты знала, как мучительно мне привыкло к писанию из-за нужды, к писанию из-под палки». А то и с надеждой: «Я здоров, работаю, результаты скажутся не скоро, может быть много месяцев. Что же делать? Работать по методам искусства, а не по методам унижения (которого и без того довольно) — это одно из немногих утешений, доставшихся мне».

ПИСЬМА оказались началом. На другой день Михаил Всеволодович принес документ, о существовании которого предположить бы-

я писал в Прокуратуру СССР о том, что имею сделать крайне важное заявление по существу моего дела и о том, что мною в показаниях оклеветан ряд ни в чем неповинных людей... Прошу также дать мне возможность ознакомиться с делом, так как я читал его больше четырех месяцев назад, читал мелчком, глубокой ночью и память моя почти ничего не удержала. И.Бабель. 25.1.40». Через два дня писателя расстреляли.

Недавно я расшифровал рукописные показания отца. Многие карандашные записи уже стерлись и читались с трудом.

При виде этих страниц, отснятых на ксероксе, сжимается сердце. Читать их просто тяжело.

ВЫДЕРЖКИ из собственноручных показаний писателя на допросах (публикуются впервые).

«...Я хотел написать книгу о коллективизации, но весь этот грандиозный процесс оказался растерзанным в моем сознании на мелкие несвязанные куски.

Я хотел написать о Кабарде и остановился на подорожье, потому что не сумел отделить жизнь маленькой советской республики от феодальных методов руководства Калмыкы-ва...

Десять тяжелых лет были истрачены на эти попытки и только в последнее время наступило для меня облегчение — я понял, что моя тема, нужная для многих, эта тема само-разоблачения, художественный и правдивый рассказ о жизни в революции одного «хорошего» человека. И эта тема впервые — давала мне легко, я не закончил ее, форма ее изменилась и стала формой протоколов судебного следствия...

«...Моя репутация некоторой литературной «независимости», «борьбы за качество» привлекала ко мне формалистически настроенные элементы. Что внял я им? Пренебрежение к организационным формам объединения писателей (ССП и др.), мысль об упадке советской литературы, критическое отношение к таким мероприятиям партии, как борьба с формализмом, как одобрение вещей полезных, но художественно неполноценных».

«... в течение нескольких лет я напал на идею организации писателей в Союз, утверждая, что в этом деле нужна крайняя децентрализация, что пути руководства писателями должны быть неизмеримо более гибкими и менее заметными: упражнялся в остроумии, предлагал ввести «гнилой либерализм» в делах литературы... Я подвергал резкой критике почти все мероприятия Союза, восставал против постройки писательских домов и поселков, считая это начинание антипрофессиональным, отбивался от союзных нагрузок и общественной работы в Союзе, высмеивал ее, но должен сказать, что никогда не скрывал своих мыслей на этот счет, как не скрывал их и по другим, более серьезным поводам».

ТАКОЕ ощущение при чтении: Бабель надеется, что суд будет открытым, и готовится к нему. Во всяком случае, многие его высказывания явно обращены не к следствию, а к более широкой аудитории: «Мальро* приезжал в СССР, чтобы поведаться с Горьким по делу Всемирной Ассоциации революционных писателей. Сопровождали Мальро Кольцов и Крючков**, по просьбе А.М. поехал и я, оставаясь во все время поездки чисто декоративной фигурой.

В памяти у меня запечатлелось, что на вопрос Мальро — считает ли Горький, что советская литература переживает период упадка, — Горький ответил утвердительно. Очень волновала Горького открытая тогда на страницах «Правды» полемика с формалистами, статьи о Шостакови-

Ю.Анненков. Исаак Бабель. 1925 г.

с которыми он был не согласен. В эти последние месяцы жизни в Крыму (март 36 года) Горький производил тяжелое впечатление — одиночество вокруг него было создано полное. Крючков старался тщательно изолировать его от остального мира».

«Я не могу припомнить теперь каждой реплики моих собеседников (с некоторыми из них я не виделся по году и по два), но помню, что противодействия не встречал, что ход мыслей был одинаков, что жил я в сочувствующей среде. Еще более это приложимо к разговорам последних лет на литературные и кинематографические темы...»

И опять о самом главном — о творчестве: — «О чем говорил я многочисленным литераторам и кинематографистам, обращавшимся ко мне за помощью и советом? Говорил о так называемой теории «искренности», о необходимости идти по пути углубления творческой индивидуальности, независимо от того, нужна ли такая индивидуальность обществу или нет».

«Книга есть мир, видимый через человека» — и чем неограниченнее, чем полнее раскрывается в ней человек, каков бы он ни был, тем выше художественные достоинства его произведений. Ни моральные, ни общественные соображения не должны стоять на пути к раскрытию человека и его стиля — если ты порочен по существу, то совершенствуй в себе порок, доводи его до степени искусства: противодействие общества, читателей должны толкать тебя на еще более упорную защиту твоих позиций, но не на изменение основных методов твоей работы...»

А дальше идут совсем страшные. Что заставило написать их? «Идеи эти, отвлеченные по внешности и глубоко реакционные и контрреволюционные по сути — извращали вопрос о общественном воспитании писателя, извращали задачи писательской работы в СССР, вели к выводам гибельным для развития советского искусства. На словах — советская тематика приветствовалась, на деле — компрометировалась: люди искусства, тяготевшие к изображению живой действительности, запугивались, размагничивались внешне убедительными доводами о стандартности их творчества, о служебном его характере, о том, что читатель примет их по необходимости, но с внутренним отрицанием...»

Исааку Эммануиловичу Бабелю было сорок пять лет.

Майя ОКУШКО.

* Мальро — французский писатель.
** Крючков — секретарь А.М. Горького.

Редация благодарит М.Иванова за предоставленный материал о Исааке Бабеле.

от арестованного И. Бабеля, выданная Союзом Советских Писателей

5/ХІ, 21/ХІ - 33года и 2/І 40года я писал в Прокуратуру СССР о том, что имею сделать крайне важное заявление по существу моего дела и о том, что мною в показаниях оклеветан ряд ни в чем неповинных людей. Когда я читал его больше четырех месяцев назад, читал мелчком, глубокой ночью и память моя почти ничего не удержала. И.Бабель. 25.1.40

Хотел написать о Кабарде и остановился на подорожье, потому что не сумел отделить жизнь маленькой советской республики от феодальных методов руководства Калмыкы-ва...

Десять тяжелых лет были истрачены на эти попытки и только в последнее время наступило для меня облегчение — я понял, что моя тема, нужная для многих, эта тема само-разоблачения, художественный и правдивый рассказ о жизни в революции одного «хорошего» человека. И эта тема впервые — давала мне легко, я не закончил ее, форма ее изменилась и стала формой протоколов судебного следствия...

«...Моя репутация некоторой литературной «независимости», «борьбы за качество» привлекала ко мне формалистически настроенные элементы. Что внял я им? Пренебрежение к организационным формам объединения писателей (ССП и др.), мысль об упадке советской литературы, критическое отношение к таким мероприятиям партии, как борьба с формализмом, как одобрение вещей полезных, но художественно неполноценных».

«... в течение нескольких лет я напал на идею организации писателей в Союз, утверждая, что в этом деле нужна крайняя децентрализация, что пути руководства писателями должны быть неизмеримо более гибкими и менее заметными: упражнялся в остроумии, предлагал ввести «гнилой либерализм» в делах литературы... Я подвергал резкой критике почти все мероприятия Союза, восставал против постройки писательских домов и поселков, считая это начинание антипрофессиональным, отбивался от союзных нагрузок и общественной работы в Союзе, высмеивал ее, но должен сказать, что никогда не скрывал своих мыслей на этот счет, как не скрывал их и по другим, более серьезным поводам».

И. Бабель

127411

Фрагмент заявления И.Бабеля на имя Председателя Военной коллегии Верховного суда от 25.1.40.

И наконец я задаю так интересующий меня вопрос:

— Михаил Всеволодович, из книги я узнала, что ваш отец — Исаак Бабель. Сегодня так дороги воспоминания людей, тем более близких. Наверное, в вашей семье сохранились письма отца или дневники.

— Мама — Тамара Владимировна и Бабель расстались вскоре после моего рождения. Его я совсем не помню. Усыновил и воспитал меня Всеволод Вячеславович Иванов. О родном отце я узнал довольно поздно, и от людей.

Вы спрашиваете о письмах? Они сохранились у мамы, многое из них в свое время было опубликовано...

Бабель уже в двадцатые годы беспокоит грубый идеологический нажим редакторов. Из письма к жене 1925 года: «Не клеится же окончание потому, что меня заставляют работать фальшиво, т.е. ни к селу ни к городу притягивать идеологию...» Иногда он шутит: «...какая же нам без вас сласть к жизни, где идеологии больше чем кислороду!» Иногда

ло невозможно. Это — «Дело» Бабеля:

— В конце прошлого года мы с сестрой Лидией Бабель начали поиск места захоронения отца. Нашли в архивах справку, где сказано, что Бабель был расстрелян 27 января 1940 года в 1 час 30 минут. В тот же день кремирован в крематории на территории Донского монастыря. Захоронен там же, в могиле №1.

Вскоре смог ознакомиться с «Делом» Бабеля, показаниями на допросах в Сухановской тюрьме. Кроме «официальной версии», где показания напечатаны на машинке и написаны в стиле газетных статей того времени, сохранены рукописные показания. Они в корне отличаются от машинописного текста. Каждая страница «официальной версии» подписана Бабелем. Можно представить, в какой обстановке это подписывалось, если известно (и оно опубликовано) заявление на имя Председателя Военной коллегии Верховного суда, в котором Бабель пишет: «5/ХІ, 21/ХІ-39 и 2/І-40 года